

НЕОКОРПОРАТИВИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Б.И. Макаренко

Постановка проблемы

Описание неокорпоратизма в современной России — достаточно сложная задача по нескольким основаниям. Во-первых, само это понятие многозначно; даже словоупотребление «корпоратизм» или «корпоративизм» до конца не устоялось в отечественной науке¹. Это понятие — в зависимости от контекста — может означать и государственный строй в целом, и методику агрегирования интересов, и механизм отправления политики. Корпоратизм и его версии с приставкой «нео» это — сложный политический феномен, реакция на слишком резкие перемены, это и набор политических практик, который в разных видах можно встретить и в демократических, и в недемократических государствах как в Европе, так и в Азии.

Во-вторых, описание России как государства с неокорпоративной составляющей имеет и политическое измерение: корпоративистские режимы, как правило, воспринимаются как авторитарные, близкие к своим историческим аналогам в межвоенной Европе. Представляется, что задача современного исследователя состоит в том, чтобы заметить такое политическое явление и аналитически описать его, «очистив» от политических ярлыков.

В работах последних лет, принадлежащих перу разных отечественных и зарубежных авторов, можно найти признаки одного и того же явления: наряду с «регулярными» конституционными институтами, органами власти и практи-

ками в современной России они описывают некие альтернативные системы отношений. В качестве примеров можно привести:

«Русскую систему» Ю. Пивоварова — верховенство высшей власти над всеми сферами государственной и общественной жизни, «персонифицированная верховная власть», требующая «посредствующих властей». Автор приводит слова В.О. Ключевского на совещании с государем в июле 1905 г.: «Верховная власть — защитник выраженной народной воли», т.е. (трактовка Ю. Пивоварова) парламент отражает волю народа, «ее же защитником (выразителем, охранителем, инструментом реализации) может быть только верховная власть»².

Д. Бадовский описывает «государство победившей бюрократии», которое «все ярче обнаруживает корпоративистские черты, скрупулезно все регламентирует, строит иерархии и вертикали»³.

А. Рябов описывает «феодалную архаику» властных отношений в России, которую выводит из условного характера собственности, «официальных или скрытых привилегий государственной бюрократии», отражения неготовности транзитного общества к дальнейшим переменам⁴.

Новосибирский экономист О. Бессонова формулирует концепцию «раздаточной экономики», в которой от-

¹ В английском языке corporatism, как правило, употребляется применительно к режиму фашистской Италии при Муссолини (от итальянского corporazioni), corporatism — во всех остальных случаях.

² Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // Полис. 2005. № 6.

³ Бадовский Д. Модернизация России: снова на развилке // Россия в глобальной политике. Т. 7. 2009. № 3, май — июнь. С. 23–35.

⁴ Рябов А. Возрождение феодальной архаики в современной России: практика и идеи. Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 2008. № 4.

ношения собственности и накопления богатства управляются не рынком, не законом, а «служебным трудом» — бюрократией, которая стоит выше предпринимательства⁵.

Экономист Я. Паппэ отмечает, что в 2000-е годы «власть рассматривала бизнес-элиту (и любую другую социальную группу) не как партнеров, а как ресурс или инструмент своей политики. Иначе говоря, как подданных... к реальному процессу принятия решений они не допускаются, а нарушение этого запрета карается репрессиями... в 2000-е гг. лоббизм был заменен «режимом челобитных»⁶.

Д. Фурман формулирует концепцию «имитационной демократии» — сочетания демократических конституционных норм с реальностью авторитарного правления⁷.

Британский политолог Ричард Саква в готовящейся к печати книге «*The Crisis of Russian Democracy: the Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession*» формулирует концепцию «дуализма» российского государства, которое сочетает «нормативное» и «административное» или «привилегированное» государство (*prerogative state*): «элементы реальной демократии имеют определенные структурные и процедурные черты, но они сдерживаются произволом административного режима». Привилегированное государство охватывает выборочные сферы — в первую очередь отношения с «врагами» и контролем над политической деятельностью.

Наконец, в концепции «суверенной демократии» зам. руководителя Администрации Президента В.Ю. Сурков отмечает такие черты, присущие в «не-

сколько сверх средней меры» российской политической культуре, как «стремление к политической целостности через централизацию властных функций... идеализация целей политической борьбы... персонификация политических институтов... Президент, находясь в центре демократической системы, является гарантом демократической конституции и сбалансированности разделенных властей — исполнительной, представительной и судебной. Нарушение этого баланса, неосторожная и несвоевременная децентрализация всегда будут ослаблять российскую демократию... Говорят, в нашей стране личность вытесняет институты. Мне кажется, в нашей политической культуре личность и есть институт. Однако не единственный, но важнейший»⁸.

Все описанные черты созвучны корпоратизму, правда, в сочетании описанных выше смыслов этого понятия. Вспомнив притчу о наблюдателях, описывающих слона с разных сторон, допустим, что все они подмечают разные черты неокорпоративизма в современной России.

Определение и природа корпоратизма

Крупнейший из исследователей современного корпоратизма Ф. Шмиттер определял его как «систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополиями на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей»⁹.

⁵ Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.

⁶ Что развивают институты развития? (беседа А. Зудина с Я. Паппэ). URL: <http://www.politcom.ru/article.php?id=6708>.

⁷ Фурман Д. Развилка-2008 // Россия в глобальной политике. Т. 6. 2008. № 2, март — апрель. С. 17–18.

⁸ Сурков В.Ю. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Владислав Сурков. Тексты 97-07. М.: Европа, 2008. С. 11–13.

⁹ Schmitter P Still the Century of Corporatism? — The Review of Politics, 1974, процитирована самим автором в: Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // Полис. 1997. № 2. С. 15.

Возвращаясь к этой теме в гораздо более поздней статье¹⁰, он отмечал позитивное воздействие неокорпоративистских институтов на рост управляемости населения, большую сбалансированность бюджета, повышение эффективности финансовой системы, снижение уровня инфляции, сокращение безработицы, уменьшение нестабильности в рядах политических элит, но в то же время их существенное негативное воздействие на основную механизм демократии — конкуренцию.

Из этого определения следует, что современный неокорпоратизм — не эвфемизм «фашизма» и не синоним «недемократии» (на что отчетливо указывает и Ф. Шмиттер). В сложившихся демократиях это механизм согласования интересов, дополняющий, а не подменяющий демократический конституционный строй (и к ним определение Шмиттера неприменимо в чистом виде), а в переходных и модернизирующихся обществах — вполне закономерный феномен, который помогает решить острые проблемы, но при этом либо способствовать модернизации — этот феномен известен в политической науке как «государство развития», либо тормозить их.

Основные признаки неокорпоратизма в России — это:

Высокая (в сравнении с конвенциональными демократическими системами) степень контроля исполнительной ветви власти над законодательной, судебной, «верха над низом» в федеративной составляющей и отношениях регионов с МСУ, над гражданским обществом, партиями, частным бизнесом и медиапространством. Соответственно все остальные институты — в первую очередь партии и гражданское общество — слабы, а потому слаба и конкурентность как в экономике, так и в политике.

В стране существуют «выстроенные» властью структуры — либо «пара-

конституциональные», либо выполняющие функции гражданского общества, которые дополняют официальные институты власти, но при этом находятся под контролем власти исполнительной и выполняют не столько функции согласования интересов, сколько консультативные (в лучшем случае) или имитационные (в худшем).

Политический дискурс и стиль отношения власти и общества имеют значительное сходство как с классическими, так и с современными корпоративистскими режимами.

Неокорпоратизм в России: причины возникновения и эволюция

Причины появления в России элементов неокорпоратизма носят множественный характер.

Главной причиной представляется антагонистический характер противоречий в транзитный период. Во многом напрашивается параллель с условиями возникновения «классического» корпоратизма (особенно — в Италии) как реакции на острый конфликт модернизирующегося общества и неспособность «новорожденных» институтов политической конкуренции урегулировать эти конфликты. Россия — единственная из трех десятков посткоммунистических стран, где на протяжении почти десятилетнего периода трансформаций осуществлявшая их исполнительная власть не опиралась на поддержку законодательного большинства. Многие реформы проводились «указом» — в прямом смысле в начале 90-х годов прошлого века и с отжиманием на периферию оппозиционных законодателей — в последующие годы. Российская бюрократия обрела навык игнорирования других институтов власти, и этим навыком продолжает пользоваться.

В итоге политический режим в стране приобрел моноцентрический характер. Правящая партия является доминирующей только формально: стратегические

¹⁰ Шмиттер Ф. Указ. раб. С. 17.

решения фактически принимаются не ею, а структурами исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровне (одно из недавних свидетельств этого — скандальная отмена уже принятого законопроекта о транспортном налоге). Из 6 оппозиционных партий 2 напрямую созданы Кремлем из имевшихся полураспавшихся партийных структур («Справедливая Россия, «Правое дело»), одна — слабая и во многом тоже покровительствуемая («Патриоты России») с ЛДПР власть имеет выстроенную систему отношений, делающую партию «неопасной», лишь две партии можно назвать оппозиционными без кавычек (КПРФ и «Яблоко»), но и они не угрожают разбалансированием системы. Конкуренция на выборах явно угасает: эффективное число парламентских партий после выборов 2007 г. опустилось ниже 2 (1,92), электоральных — до 2,2. Конкуренция между партиями фактически подменяется конкуренцией областных и районных властей со своими соседями за лучший результат «партии власти» на выборах. Именно это явление охарактеризовал Д.А. Медведев как ситуацию, «когда демократические процедуры путаются с административными»¹¹.

Гражданское общество остается слабым и зависимым от государства. Из трех «зонтичных» ассоциаций делового сообщества две — ОПОРА и «Деловая Россия» создавались при прямой поддержке исполнительной власти и патронируются ею; третья — РСПП более автономна, но напомним, что вхождение в ее состав крупнейших бизнес-структур в начале нынешнего десятилетия (что придало ей неформальное название «профсоюз олигархов») также было инициировано Кремлем.

Страх перед повторением в России сценария «цветной революции» привел к ужесточению законодательства о некоммерческих организациях и появлению

провластных молодежных движений, ориентированных на «превентивное заполнение майдана» (крупнейшим из таких движений является «Наши»).

В этом же русле следует рассматривать появление Общественной палаты, выполняющей функции публичной политики, которые в нынешних условиях не может выполнять Государственная Дума.

Вторая причина — слабость механизма исполнения решений и арбитража. Все субъекты политики и экономических отношений получили большую (в сравнении с предыдущим периодом) автономию, многие — собственность (легитимность которой до сих пор остается невысокой). Механизмы «ответственности за автономию» и за собственности формировались медленно в условиях, когда не установилось верховенство права. Перераспределяемый государством общественный продукт был относительно мал, а потому процессы перераспределения регулировались скорее неформальными практиками (в первую очередь это относится к формированию и расходованию государственного бюджета). Судебная система как арбитр работала в ограниченном объеме. Одно из важнейших следствий этого — подмечаемое и экономистами (А.А. Аузан), и социологами (Л.Д. Гудков, Б. Дубин) падение доверия граждан как друг другу, так и государству и разрыв между позитивным правом (по сути — вновь созданным за последние два десятилетия) и неформальными практиками делового общения и взаимодействия общества и государства. Это порождает и оправдание коррупции, и «жизнь по понятиям», которое на самом деле позволяет работать «привилегированному государству», осуществляющему арбитраж именно по понятиям, а не по закону.

Третья причина — это высокая роль государства в экономике, его контроль над ключевыми ресурсами. Большая часть общественного продукта, перерас-

¹¹ URL: <http://news.kremlin.ru/news/6066>

пределяемого в интересах общества, создается в узком секторе — нефть, газ, другие сырьевые ресурсы. В такой ситуации могло бы быть построено «государство развития» — описанный на опыте восточноазиатских стран феномен неокорпоративного государства, проводящего дирижистски-авторитарную модернизацию. Однако в России такое государство не очень получается. Показателем может служить судьба госкорпораций, создававшихся как институты развития, а ныне подлежащих если не ликвидации, то коренному преобразованию по юридической форме. Взамен выдвинуты идеи пяти приоритетных направлений развития и создания российской «Силиконовой долины». Что же касается роли нефтегазового ресурса как источника финансовых ресурсов для модернизации, то кризис выявил, что именно этот сектор находится в серьезной долговой зависимости от внешних заимствований и сам нуждается в государственной помощи.

Оборотная сторона столь высокой роли государства в экономике — сильные патерналистские настроения. Больше 60% взрослых россиян — пенсионеры, бюджетники, «люди в погонах», государственные служащие, работники государственных компаний — получают свой основной доход от государства. Очень значительная часть общества до сих пор не видит прямой зависимости между результатами своего труда и своей заработной платой. Поэтому значительная часть общества продолжает уповать на государство как на «кормильца». В этом патернализме — корень высокой лояльности граждан власти при сохраняющейся критичности в отношении его конкретных институтов.

Наконец, последняя черта — политическая культура России, которая склонна к «подданнической», а не «активистской», в других терминах — к «культуре подданных», а не «культуре граждан». Присущие ей патернализм, неукорененность представлений об экономической

и политической конкуренции, изоляционизм создают благоприятную среду для мобилизационных установок, на которые опирается неокорпоратизм.

Особенности российского неокорпоратизма

Отличительная черта российского неокорпоратизма — его непохожесть на многие другие модели. Как явствует из приведенного выше описания, этот корпоратизм неполный и нежесткий. По своему институциональному характеру он сравним и с европейским неокорпоратизмом (потому что существует наряду с демократическими институтами и практиками и переплетен с ними) и «неевропейским», потому что сдерживает политическую конкуренцию и даже подменяет ее. Неокорпоративные механизмы и практики действуют не повсеместно, а выборочно — преимущественно в сфере политической конкуренции (сдерживаемые конституционными рамками, правда, с тенденцией к ослаблению сдерживания), а также при пересмотре отношений собственности.

Вторая отличительная черта — «мягкость» российского неокорпоратизма: он не похож на авторитарные модели. «Корпорации» в российском обществе институционально слабы, а само общество атомизировано. Поэтому у держателей власти не возникает стимулов сильно «сдерживать» корпорации, достаточно «заполнить вакуум» гражданской активности прорежимными организациями и установить общее представление о превосходстве государства, чтобы большинство акторов предпочло согласовывать свои действия с государством, а не проявлять самостоятельность.

Так, профсоюзы, в большинстве моделей — ключевой институт корпоративистских институтов, — в России предельно слабы. Большинство из существующих профсоюзных объединений, начиная с наследницы советских профсоюзов ФНПР, заведомо лояльны вла-

стям либо работодателям (как и профессиональные объединения, создаваемые внутри крупных компаний), но и влияния на общественно-политическое поведение своих членов они практически не имеют. Отдельные исключения — это профсоюзы успешных производителей, которые добиваются удовлетворения не базовых прав своих сотрудников, а повышения зарплат в условиях высоких прибылей компании (автопроизводители, железнодорожные машинисты, работники «Норильского никеля»). Ассоциации бизнеса лучше институционализированы, при том что две из трех «зонтичных» ассоциаций, как указывалось выше, созданы при прямом участии Кремля. Более высокому уровню развития бизнес-ассоциаций способствовало сразу несколько факторов: осознание частным бизнесом своих коллективных интересов в отношениях с государством, выстроенное (при всех оговорках и издержках) неформальное доверие бизнесменов друг другу (неизбежное в государстве, где слабо позитивное право и сильны «понятия») и наличие ресурсов для поддержки коллективных действий. Но, как, опять же, указывалось, подчиненное положение бизнеса в отношениях с государством делает эти ассоциации «договороспособными» в корпоративистских практиках.

Слабыми представляются в России и большинство других «корпораций». При всем росте авторитета традиционных религий нет никаких убедительных свидетельств их существенного влияния на политическое поведение граждан (исключая, пожалуй, разнообразные проявления такого влияния на Северном Кавказе — от тарикатов в Дагестане до фундаменталистских структур во всех северокавказских республиках). Отсутствуют и устойчивые объединения сельскохозяйственных производителей.

Роль таких корпораций отчасти заменяется имитацией — это уже упомянутые выше Общественная палата, моло-

дежные движения и т.п. Характеристика их как «имитации» в данном контексте не несет уничижительного смысла — она лишь призвана подчеркнуть, что такие структуры не имеют устойчивой массовой базы (о чем нередко говорят сами члены Общественной палаты), а представляет определенные общественные настроения в публичном пространстве и контактах с государственными органами.

Наконец, третья особенность российского неокорпоратизма — его относительно слабое и неартикулированное идеологическое наполнение. Он лишен телеологизма и даже развернутой идеологической основы. Модернизация как национальная идея только в последнее время выходит на первый план, заменяя в этой роли идеологемы «стабильности» и «консолидации» общества и резкой критики 90-х годов прошлого века.

Заменителем идеологии — ключевого элемента большинства корпоративистских институтов — выступает сочетание факторов: высокая популярность лидера в сочетании с сохраняющейся сакральностью верховной власти (см. выше характеристику российской политической культуры В.Ю. Сурковым), политическая «культура подданных», доминирование государства на федеральных телеканалах, дополненное системой других пропагандистских мер, не исключая и латентного сталинизма и антизападных настроений.

Иными словами, российский неокорпоративизм относительно слаб и «мягок» — потому что слабы и неинституционализированы те общественные отношения, которые он регулирует. Эта констатация лежит в основе прогноза дальнейшей эволюции неокорпоративистских практик в России.

Возможные пути эволюции

Для определения сценариев эволюции неокорпоратизма важно учитывать два момента: во-первых, невозможность одномоментного отказа от них, равно

как и существенного ужесточения режима их применения, во-вторых, наличие в этих практиках позитивного потенциала. Концентрация усилий, проведение политической воли государства как агента модернизации — все это будет востребовано не только сегодня, но и на последующих этапах «модернизационного проекта». Согласительные процедуры между конфликтующими общественными интересами также будут востребованы. Главное, чтобы некорпоративистские элементы и практики стали отвечать двум условиям:

— во-первых, перестали столь откровенно сдерживать или подменять

собой реальный политический плюрализм, от «имитации» политической активности перешли к реальному согласованию функций (что означает, что не во всех спорах должна побеждать спущенная сверху как заведомо правильная точка зрения);

— во-вторых, транслировали политическую волю к модернизации; искали не оправдания бездействию по причине объективных сложностей, а пути их разрешения. Иначе говоря, чтобы государство, в том числе и бюрократия, реально выполняло функции «государства развития», а не «государства победившей бюрократии».